Религиоведение. 2021. № 1. С. 5–14.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2021. No. 1. P. 5–14.

DOI: 10.22250/2072-8662.2021.1.5-14

Башарин П.В.

Российский государственный гуманитарный университет
125993, Россия, г. Москва, Миусская пл. 6, ГСП-3
pbasharin@yandex.ru

Институт зороастрийского брака *xwēdōdah*: проблемы генезиса и вопросы типологии

Аннотация. Статья посвящена самой примечательной форме зороастрийского брака – *xwēdōdah*. Подобная форма брака представляет собой супружеский союз между отцом и дочерью, матерью и сыном, братом и сестрой. В зороастризме эпохи Сасанидов этот институт стал ключевым элементом религии, наряду с предложением еды (*mēzd*) и сезонными праздниками (*gāhānbār*). Вопрос о том, является ли данный институт наследием древнеиранской практики или возник позже, до сих пор вызывает споры среди исследователей. В статье приводится обзор наиболее целесообразных теорий, касающихся *xwēdōdah*. Возникновение этого института, вероятно, восходит к доиндоевропейскому культурному субстрату. Отказ от инцеста во всех обществах с экзогамным регулированием привёл к возникновению соответствующего табу. В поисках объяснения этого феномена ряд современных исследователей обращается к работам антропологов. Представляется, что наиболее предпочтительной в этом ракурсе является гипотеза о «ритуальной значимости» А.Р. Радклиффа-Брауна.

Ключевые слова: зороастризм, *xwēdōdah*, Сасаниды, пехлевийская литература, ритуальная значимость

Pavel V. Basharin

Russian State University for the Humanities
GSP-3, 6 Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993
pbasharin@yandex.ru

The Institution of Zoroastrian Marriage *xwēdōdah*: The Problems of Genesis and the Questions of Typology

Abstract. This paper deals with the famous Zoroastrian marriage *xwēdōdah*. This form of marriage refers to the conjugal union of father and daughter, mother and son, brother and sister. Zoroastrianism of the Sassanid era made this institution a key element of religion, along with offering meal (*mēzd*) and seasonal holidays (*gāhānbār*). The question of whether this institution is a part of ancient Iranian legacy or has emerged later, is still controversial among the scholars. Careful development of *xwēdōdah* in the late Pahlavi works after the Arab conquest in the 9th century could have been the propagation of the priesthood who tried to protect Zoroastrian society against infiltration and destruction or sticking to archaic norms in an effort to preserve their religion in the face of extinction. The paper gives an overview of the most relevant theories about *xwēdōdah*. The genesis of this institution probably traces to the pre-Indo-European cultural substrate. Some modern scholars, looking for an explanation, pay attention to the works of anthropologists. The rejection of incest in all societies with exogamic regulation led to a certain taboo. This taboo is often due to the birth defects of children born out of consanguineous marriages. In the author's opinion, the hypothesis of "ritual value" by A.R. Radcliffe-Brown seems to be the most appropriate to this case.

Key words: Zoroastrianism, *xwēdōdah*, Sasanids, Pahlavi literature, ritual value

Одним из наиболее примечательных особенностей зороастрийских семейных отношений является кровнородственный брак *xwēdōdah* (авест. *xᵛaētuuadaθa*) (пер. «состоящий в браке с членом (своего) рода»)[1], что предполагает супружеские союзы отца с дочерью, матери с сыном, брата с сестрой, вплоть до союза сводных детей [Macuch, 1991, 144, 149–150]. В зороастризме эпохи Сасанидов этот институт стал ключевым элементом религии, наряду с соблюдением вкушения жертвенной пищи (*mēzd/myazd*) и сезонными праздниками (*gāhānbār*).

Вопрос о том, является ли данный институт наследием древнеиранской практики или возник позже, освещён ли он древней традицией или это анахронизм, возведённый сасанидским жречеством ко временам Заратуштры, до сих пор вызывает споры среди исследователей. Тщательная разработка этого понятия в поздних пехлевийских зороастрийских сочинениях, составленных уже после арабского завоевания, в IX в., может быть пропагандой жречества с целью защиты эндогамного зороастрийского сообщества от проникновения в общину иноверцев и от его разрушения (позиция, сформулированная ещё Э. Уэстом) [West, 1882, 428–429] или отчаянной попыткой сохранить свою религию перед угрозой исчезновения [Macuch, 1991, 145–147].

Xwēdōdah в зороастрийской литературе

В Авесте, где термин *xᵛaētuuadaθa* встречается пять раз, не содержится прямых намёков на то, что он подразумевает инцест или как-то с ним связан. В Ясне говорится, что *xᵛaētuuadaθa* – свойство «ахуровской», «заратуштровской» религии (Ясна 12.9). В Видевдате 8.13, тексте относящемся уже, видимо, к парфянскому периоду, описывается качество мочи, используемой для омовения переносчиками трупов. Рекомендуется использовать мочу только мужчины и женщины, живущих по правилам *xᵛaētuuadaθa* (*xᵛaētuuadaθasca*, *xᵛaētuuadaiθīsca*). Значение этих определений неясно [König, 2010, 432–434][2].

В пехлевийской литературе *xwēdōdah* определяется как наивысшая заслуга (*kirbag*) [König, 2010, 444]. По словам среднеперсидской версии Виштасп Яшта, «практика *xwēdōdah* описывается в религии как самое лучшее дело» (*kār i xwēdōdah andar dēn mahist kirbag guft ēstēd*) [Macuch, 1991, 145]. Подчёркивается, что сам Ахриман не может нарушить *xwēdōdah* (в отличие от гаханбаров и мезда), и этот институт ослабляет его (Шайаст на шайаст 18.4). По словам пехлевийского Ривайата, действия состоящих в кровнородственных браках тысячекратно превосходят добродетели обычных верующих. После заключения очередного *xwēdōdah* умирают тысячи демонов, колдунов и ведьм (цифры явно рассчитаны на литургический эффект) [Spooner, 1966, 53]. Нарушающий его обречён на адские муки, хотя отказ от этой практики и не ведёт в ад, а лишь переселяет душу праведника на низшие уровни рая – на стоянки звёзд и Луны. Души соблюдавших *xwēdōdah* пребывают в царстве «высокого света в великой славе» (Арда Вираз намаг 12, 13, 16) [Чунакова, 2004, 138–139; König, 2010, 432, 444–445; Macuch, 1991, 145–146; Skjærvø, 2013]. *Xwēdōdah* создана Ормаздом во время творения и будет связывать и направлять человечество во время периода смешения, когда добро и зло соперничают за превосходство, а также в период «преображения» (*frašagird, fraškard*), когда мир снова станет таким, каким его задумал Ормазд. С приходом Сошйанса (Саошйанта) – *xwēdōdah* будут исповедовать повсеместно, и с помощью этой силы он разрушит ложь (*drūǰ*) [Чунакова, 2004, 139; Macuch, 1991, 150; König, 2010, 439].

В кратком анонимном R фрагменте из рукописи MK кровнородственный брак упоминается в списке необходимых праведных дел сразу после молитвы, перед учреждением огня Варахрана, необходимостью отмечать гаханбары, выращиванием скота и подачей милостыни достойным единоверцам [Изведать дороги, 1991, 83].

Брак между ближайшими родственниками (как правило, между братьями и сёстрами), считался предписанием Заратуштры. Самые длинные пехлевийские тексты, посвящённые *xwēdōdah* – восьмая глава пехлевийского Ривайата и третья книга, глава 80 Денкарда, содержащая ответ хербеда на вопросы иудеев о *xwēdōdah*, приводящая длинное обсуждение значения термина. Хербед интерпретирует это выражение словами *xwēš dahišnīh* – «передача собственности». Он определяет его как действие, посредством которого «сила» или «могущество» (*nērōg*) передаётся ближнему.

По этой интерпретации *xwēdōdah* буквально означает передачу жизненной силы родственникам с божьей помощью. Этот процесс помещается в космологический контекст: благодаря *xwēdōdah* человек связан с поколениями родственников, вплоть до наступления преображения (*fraškard*) [Macuch, 1991, 143–144][3].

Самым похвальным, по словам Ривайата, является брак с собственной матерью в силу теснейшей связи сына с родительницей. На следующей ступени по значимости стоит брак между отцом и дочерью. Он имеет большую ценность, чем брачный союз между братом и сестрой [Macuch, 1991, 145].

В большинстве культур земного шара критика инцеста, приводившая к известному табу на него, часто объясняется этнографами наблюдениями за наследственными дефектами у детей, появившихся на свет вследствие кровосмесительных связей. Примечательно, что Денкард, наоборот, заявляет, что такие хорошие качества ребёнка, как внешность (*čihrag*), телесное благополучие (*kerbwaxš*), разум (*xrad*), одарённость (*hunar*), способность любить и дружить (*mihr*) тем лучше и совершеннее, чем ближе друг к другу степень родства родителей (*ō bun toxmag i zāyēnīdār nazdīktar*) (Денкард 74,22–75,2). Зороастризм положительно относился к смешению ролевого поведения родителей и детей в нуклеарной семье: хорошо, например, когда мать и сын становятся родителями сына, который одновременно является братом своего отца (*ud ān i az pus ud mādar zāyēd brād-iz bawēd ham pidar*) (Денкард 76.8–9)[4]. М. Мацух делает вывод о чрезвычайно положительной оценке эндогамии с одновременным категорическим неприятием экзогамии [Macuch, 1991, 145–146].

Модели таких союзов в сасанидское время были найдены в зороастрийской мифологии: в среднеперсидском переводе Ясны 45.4 постулируется союз Ормазда (Ахурамазды) и его дочери, богини Спандармад (Спэнта Армаити) [König, 2010, 435–436]. Согласно Денкарду, благодаря их союзу появился первый человек, Гайомарт (Денкард 3, 80) [König, 2010, 439].

Согласно комментарию к Ясне 45.4 в Варштманср наске (Денкард 9), до создания Гайомарда Ормазд и Спандармад через *xwēdōdah* произвели на свет (*warzīd*) Вахмана, который стал их первым ребёнком. Другие амахраспанды были потомками Спандармад и Вахмана. Авестийскую фразу из Висперед 11.12 о том, что они были «измерены (?)» (*māta*) и «стали» (*būta*) из Воху Мана, пехлевийский перевод понял, как их «материнство» (*mādarīh*) и «становление» (*bawišnīh*) из Вахмана [Skjærvø, 2013][5].

Ещё один яркий пример модели *xwēdōdah* в пехлевийской литературе – союз Джама (Йимы) с сестрой. Джам отдал свою сестру Джамаг демону, а сам женился на его сестре. Джамаг меняется местами с демоницей и сочетается с собственным братом, в результате чего демоны низвергаются в ад [Skjærvø, 2013].

Третий пример – союз между Машйа и Машйане (вар., Маши и Машйани, Махлийа и Махлийане, Махрех и Махренех), первой человеческой пары, зародившейся из семени Гайомарда. В Дадестан и дениг он объявлен первым браком *xwēdōdah* (Дадестан и дениг 38.68) [König, 2010, 438, 440].

Применительно к исторической эпохе указания на *xwēdōdah* в пехлевийской литературе увеличиваются. В комментариях к Ясне 53.4 говорится о хвале Поручист (Поуручисты), дочери Заратуштры, которая, движимая религиозным пиететом, стала женой собственного отца, затем выйдя за Джамаспа (Денкард 9.45.4) [Skjærvø, 2013].

В пехлевийской литературе *xwēdōdah* противопоставляется содомии (*kūnmarz*). Первое – творение Ормузда, второе – Ахримана. Инцест как символ умножения добра противостоит содомии, символу вымирания людей. Однако это противопоставление сложилось в зороастрийском богословии только со временем, как продемонстрировал Г. Кёниг. Согласно его гипотезе, неудача в *xwēdōdah* могла быть приравнена к неспособности зачать детей. Рождение потомства рассеивает полчища девов. *Kūnmarz* стал символом неспособности к продолжению рода и бесплодия. Практикующие его порождают и усиливают дэвов вместо того, чтобы искоренять их [König, 2010, 437, 445–446].

Исторические свидетельства

Европейские путешественники и исследователи XVI–XIX вв. не смогли найти доказательств бытования кровнородственных союзов сыновей с матерями

и братьев с сёстрами, известных им по античным источникам. Только Якоб Полак в середине XIX-го в. утверждал, что наблюдал кровнородственные браки, отмечая отсутствие пагубных последствий таких союзов [Boyce, 1982, 184; Skjærvø, 2013].

Иранисты и индоевропеисты часто приводили в качестве параллели отдельные прецеденты, зафиксированные у древних индоевропейских народов (кельтов, пруссов, греков) и древних евреев [Spooner, 1966, 54; Duchesne-Guillemin, 1970, 207–208; Boyce, 1982, 76]. Более продуктивными представляются поиски параллелей в доиндоевропейском культурном субстрате. Одним из первых об этом заговорил, кажется, Р. Гиршман, который описал серию изображений обнажённой богини на керамике, распространённой на территории Ирана до прихода иранских племён. По его предположению она была супругой бога, который одновременно приходился ей сыном [Ghirshman, 1961, 44]. Однако эта гипотеза не была подкреплена серьёзными доказательствами.

Кровнородственный царский брак (женитьба царя на собственной сестре, царицы на двух братьях) обнаруживается в эламском обществе. После выхода знаменитой монографии В. Хинца о древнем Эламе М. Бойс усмотрела в этой практике потенциальный источник *xwēdōdah* [Boyce, 1982, 76]. Характерно, что подобный институт обнаруживается в древнем Египте (восемнадцатая и девятнадцатая династии). Из этого можно заключить, что обычай женитьбы царя на близкой родственнице был знаком древнему Ближнему Востоку как особый сакральный институт. Этот тип браков восходил к сакрализации связи брата с сестрой, получившей обоснование в мифологии. Например, в Египте фараоны выбирали в жёны одну из своих сестёр, исходя из мифа об Осирисе и Исиде. При этом в Египте такие союзы имели место не только в царской семье, но и получили довольно широкое распространение в обществе (от 15 до 20% браков) [Godelier, 2004, 363, 404–409; Bichof, 1972, 47; Scheidel, 1996, 321–324]. Именно в иранском обществе подобный вид царского брака сохранялся наиболее долго. Дж. Чокси полагает, что *xwēdōdah*, возможно восходившая к практике древнего Элама, была средством консолидации царской власти. В парфянский и сасанидский периоды она оставалась царским обычаем, не нашедшим, за исключением немногих случаев, отражения в широких массах зороастрийского общества. Этим ситуация в Иране в корне отличалась от ситуации в римском Египте, где кровосмесительные браки получили широкое распространение [Choksy, 2002, 90–91][6].

Ряд античных авторов ссылаются на практику кровнородственных браков, утверждая, что инцест, наряду с выставлением трупов и убийством пресмыкающихся, практиковался в западном Иране магами [Bucci, 1978; Duchesne-Guillemin, 1970; Frye, 1985; Macuch, 1991, 148].

Из исторических прецедентов отмечают свидетельство Геродота о женитьбе Камбиза на сёстрах. Однако сам историк отмечает, что до этого персы никогда так не поступали и что «царские судьи», которые занимались толкованием закона, ответили царю, что не нашли закона, позволяющего брату брать сестру в жёны (3.31). Существует мнение, что Камбиз перенял обычай фараонов, в соответствии с притязанием на законность своей власти в завоёванном Египте. Дарий II был женат на сестре Парисатиде. Согласно Плутарху, на сестре также был женат Артаксеркс Долгорукий, а затем на ней женился её дядя [Boyce, 1982, 75–77, 199; Периханян, 1983, 64].

Б. Спунер, опираясь на соображения Л. Уайта, предположил, что кровные браки внутри династии Ахеменидов, как и кровосмесительные союзы Птолемеев в Египте, помогали примирить иноземные династии путём принятия обычаев местных народов [Spooner, 1966, 56].

Квинт Курций Руф рассказывает историю о согдийском правителе Сисимитре, женившемся на матери и имевшем от неё двух сыновей, и отмечает, что родителям разрешено иметь такую связь со своими детьми [Skjærvø, 2013].

В последующий период кровосместительные браки фиксируются по всему эллинизированному Востоку. Наибольшее количество примеров относится к птолемеевскому, а позже римскому Египту [Choksy, 2002, 90–91]. Видимо, никакой зороастрийской подоплёки нет в кровосмесительных связях, зафиксированных в эпоху Аршакидов [Strugnell, 2008, 278]. К парфянскому времени относятся два греческих

документа, датировочные формулы которых содержат имена правящего парфянского царя царей Аршака и его жён, приходившихся ему сёстрами. Браки между братьями и сёстрами засвидетельствованы и на вассальных подвластных Аршакидам территориях с присутствием зороастрийцев [Бойс, 1987, 119–120]. Формула датировки первого упоминает брак парфянского царя с двумя сёстрами [Perikhanian, 1983, 644].

Неясно, следует ли рассматривать известный случай брака Фраата V со своей матерью Музой как *xwēdōdah* или же он связан с подобными браками в Птолемеевском Египте [Strugnell, 2008, 278].

При Сасанидах эта практика переживает расцвет. С одной стороны, получили распространение браки xwēdōdah среди аристократии: царицей цариц была родная сестра и жена Ардашира I, Денак. Такой же статус имела дочь Шапура I, Адур-Анахид. *Xwēdōdah* практикуется и за пределами царской семьи и аристократии, но насколько был характерен этот институт для всей империи – неясно. В пользу этого говорят данные из Дура Европос в сочетании с еврейскими и христианскими источниками. В отличие от Египта, где кровнородственные браки зафиксированы большим количеством документов на папирусах, ни о какой количественной оценке ситуации в Сасанидском государстве говорить не приходится [Perikhanian, 1983, 644; Herrenschmidt, 1994; Macuch, 1991, 147–148; Spooner, 1966, 53–54; Skjærvø, 2013].

М. Мацух объясняет популяризацию института *xwēdōdah* в сасанидском Иране борьбой ортодоксального духовенства против аскетичности манихейства с его запретом половых отношений и деторождения (первое свидетельство о *xwēdōdah* при Сасанидах встречается в надписи Картира в Накш-и Рустаме; в списке добрых религиозных дел, совершённых этим жрецом, числится заключение браков *xwēdōdah*). Вторая причина состоит в том, что политика Сасанидов уделяла первостепенное внимание старым традициям [Macuch, 1991, 147, 152].

Следует указать на неприятие инцеста парсами, учёные представители которых положили немало усилий для доказательства того, что *xwēdōdah* означает поклонение богу, язатам и амахраспандам через чтение Авесты с целью связать себя с ними или чисто духовные отношения между женатыми людьми. Если термин в пехлевийских сочинениях и подразумевал инцест, то это следы идей радикальных мыслителей времён Маздака (Пешотан Санджана, Джамшид Каваджи Катрак и проч.) Они считали сравнение *xwēdōdah* с инцестом гнусными наветами и наговорами на древних иранцев, а в своих переводах среднеперсидских текстов намеренно искажали соответствующие пассажи и активно полемизировали по этому вопросу с ведущими западными иранистами. Теософское общество парсов *ʿилм-и хшнум* («наука тайного знания», основанное в 1858 г.) толковало *xᵛaētuuadaθa* как «независимость от ярма тела и свободу от оков плоти». Эта же точка зрения транслировалась и западными теософами. Точку зрения парсов, как знатоков зороастрийской традиции, разделяли и некоторые учёные старой школы, например, Ф. Юсти [Duchesne-Guillemin, 1970, 206–207; Skjærvø, 2013].

Гипотезы о генезисе *xwēdōdah*

С XIX в. среди иранистов укрепилось мнение, что *xwēdōdah*, вне зависимости от времени его возникновения в иранском обществе, следует сводить к религиозным и социальным причинам: поддержанию религиозного единства (Дж. Дармстетер, В. Гайгер). Это – выражение норм старого иранского трайбализма, где предпочтительным был брак внутри нуклеарной семьи (Ф. Шпигель) [Skjærvø, 2013].

Большинство исследователей видели главной причиной развития кровнородственных браков среди иранцев сложившиеся правила наследования.

Э. Херцфельд полагал, что *xᵛaētuuadaθa* практиковался только внутри вис, особенно между единоутробными братьями и сёстрами, и был распространён среди аристократии и жречества. Институт *xᵛaētuuadaθa* возник в целях примирения иранской патрилинейной системы с доиранскими матрилинейными правилами наследования и преемственности. В таком браке сын мог наследовать отцу, равно как и сын сестры отца. *Xᵛaētuuadaθa* осуществлялась только между сводными братьями и сёстрами, как в случае Камбиза [Herzfeld, 1947, I, 119].

Приведённые выше материалы дают основание предположить, что *xᵛaētuuadaθa* существовала только в среде аристократии, т.е. её смысл состоял

в наследовании имущества внутри сословия крупных собственников. Х.С. Нюберг даже предложил, что *xᵛaētu* имеет значение «аристократия» [Skjærvø, 2013].

Э. Уэст выделил две возможные причины установления института. Во-первых, неизбежная необходимость иметь потомство, не связанное обязанностями по отношению к чужой семье, с целью поддержания необходимых периодических церемоний для душ умерших. Во-вторых, практика могла быть установлена жречеством, чтобы предотвратить браки за пределами зороастрийской общины и прозелитизм [West, 1882, 429][7].

Ж. Дюшень-Гийемен видел в *xwēdōdah* отголоски матриархата: в матриархальной системе единственным способом для мальчика унаследовать семейное имущество была женитьба на своей сестре. Кровнородственный брак позволяет оградить семью от сторонних проникновений. Моча супругов, состоящих в таком браке, является законной заменой мочи быка (*gōmēz*), так как защищена от внешних факторов, с их возможно вредным влиянием [Duchesne-Guillemin, 1970].

М. Бойс предположила, что ранняя зороастрийская община после смерти своего покровителя, царя Кави Виштаспы, оказалась в тяжёлых условиях и для сохранения численности верующих была вынуждена разрешить союзы в рамках нуклеарной семьи [Boyce, 1982, 76].

Нельзя обойти рассуждения Г. Кёнига о *xwēdōdah*. Непрерывное воспроизведение человечества через *xwēdōdah* гарантирует поклонение божествам. Поскольку увеличивающееся расстояние между родственными связями порождает неуверенность, полезно вступать в кровнородственные союзы, подкреплённые божественной чистотой. Это – защита от проникновения чуждых элементов в общину [König, 2010, 441–444].

Считается, что в ранних обществах с ограниченным количеством потенциальных брачных партнёров запрет на кровосмешение может привести к значительным демографическим издержкам для сообщества. Практическую целесообразность кровосмесительных союзов по финансовым соображениям и для предотвращения разделения земельных наделов можно видеть у катаров Окситании в средние века, что, вероятно, способствовало атакам на них католической церкви. Генетики и антропологи широко пользуются понятием «эффект Вестермарка» в связи с врождённым отвращением к кровосмешению, объясняемым негативным импринтингом против сексуальных отношений с друзьями раннего детства [Bittles, 2005].

О наследственных дефектах потомства от браков *xwēdōdah* и ранней младенческой смертности в таких семьях повествуют источники исключительно иноязычные, которые в большинстве не вызывают доверия в силу либо анекдотичности (греческие об Ахеменидах), либо прямой враждебности (христианские). Несторианский метрополит Ишобохт, который в конце VIII в. увещевал паству не подражать грязным союзам зороастрийцев, ссылаясь на дефекты, проявляющееся у их детей, заслуживает больше доверия, хотя и в его случае возможны преувеличения в стремлении опорочить оппонентов [Scheidel, 1996, 329–332][8].

П.О. Шервё в обзорной статье в Encyclopædia Iranica отметил, что антропологические исследования по данному вопросу малочисленны и не имеют особой ценности, т.е. что антропологи преемлимых гипотез не выдвигают [Skjærvø, 2013]. Несмотря на то, что *xwēdōdah* всегда привлекал внимание этнографов как любопытный прецедент, в большинстве упоминавших её работ содержалось исключительно изложение широко известных фактов, а этнографы-иранисты занимались этой темой гораздо реже [Spooner, 1966, 55–56; Herrenschmidt, 1994].

Наиболее примечательным обсуждением этого вопроса среди антропологов следует признать уже потерявшую актуальность старую дискуссию конца сороковых годов на страницах журнала American Anthropologist. Известный антрополог Дж. Слоткин привёл добротную подборку цитат из различных источников по поводу кровнородственного брака. На примере *xwēdōdah* он попытался показать несостоятельность концепции универсального табу на инцест. Его небольшое исследование стало источником информации для ряда антропологов [Slotkin, 1947]. Слоткину возразил другой этнолог У. Гуденаф, склонявшийся к трактовке индийских парсов [Goodenough, 1949]. Однако первый объективно, хотя и в довольно резком тоне, смог защитить свою позицию [Slotkin, 1949].

Н. Зидлер в своём исследовании, посвящённом практике инцеста, предложил теорию, согласно которой в мифах феномены инцеста и жертвоприношения являются взаимозаменяемыми величинами. В традиционных обществах практика инцеста имела культовый характер и воплощала магическую силу, способствующую пробуждению природы и плодородию. С другой стороны, инцест изначально понимался как акт священного характера, выходящий за пределы повседневности. Магическая сила, высвобождаемая этим актом, рассматривается как нарушение нормы, которое может иметь и губительные последствия. Потому Зидлер постулировал изначальное табу на инцест в религии магов [Sidler, 1971, 9, 104–107, 139].

М. Мацух, опираясь на эту теорию, замечает, что в ряде пехлевийских сочинений (например, Шайаст на шайаст) инцест упоминается в связи с мездом и гаханбарами как их основа. Основная функция жертвы гаханбара заключалась в поддержании жизни и плодородия. Жертвоприношение и кровнородственный брак представляются взаимозаменяемыми величинами и в эсхатологии. Гипотезу Зидлера о биполярном потенциале инцеста Мацух пытается подтвердить зурванистским мифом: демон Махми или сам Ахриман дают Ормазду рекомендацию создать солнце через инцест с матерью, а луну – с сестрой. Этот акт имел положительный эффект, но был совершён по совету злых сил и, следовательно, мог быть губительным. Мацух допускает эмоциональное сопротивление инцесту в сасанидском обществе (несколько пассажей из пехлевийской литературы демонстрируют шок перед ним даже со стороны самого Заратуштры), полагая, что жречество навязывало его как норму, вводя в сакральный контекст [Macuch, 1991, 149–152].

В этнографии долгое время феномен кровосмесительных браков рассматривался в русле поиска удовлетворительного объяснения происхождения экзогамии [Spooner, 1966, 55]. В этнографической литературе запрет на инцест в традиционных обществах обычно трактуется как показатель перехода общества к культурному уровню существования. С другой стороны, кровосмесительные союзы не позволяют создать сложные социальные структуры [Bichof, 1972, 13]. Выдвигается тезис, что это табу основано не на генетике, а на культуре. Согласно Э. Дюркгейму (работа 1897 г. La Prohibition de l'inceste et ses Origines), табу на инцест выросло из религиозного трепета перед собственной кровью [Spooner, 1966, 54–55]. К. Леви-Стросс считал этот запрет основополагающим шагом, благодаря которому совершается переход от природы к культуре. Братья и сестры уже связаны кровными узами, и у них нет необходимости удваивать их брачными узами. Женитьба на сестре лишает возможности обменять её на чужую сестру. Запрет жениться на собственных сёстрах побуждает мужчин искать себе пару за пределами своей семьи. Поэтому они обмениваются своими сёстрами с другими мужчинами. Так возникает общество, которое базируется на обмене женщинами, воспроизводящими новых его членов [Bichof, 1972, 7; Schepens, 2012, 2–4]. Л. Уайт также считал обмен женщинами между различными кланами, т.е. экзогамные браки, основой для приобретения друзей и союзников [Spooner, 1966, 56].

М. Годелье связал запрет на инцест с тем, что коллектив приносит вседозволенность в интимных отношениях, асоциальную по своей природе, в жертву социальному порядку. Исследователь напрямую обратился к кровнородственным бракам в Древнем Иране как к контрпримеру теории Леви-Стросса об обмене женщинами (как объектами). В институте *xwēdōdah* нет никакого обмена [Godelier, 2004, 362-363, 409–413; Schepens, 2012, 7–9, 11–17][9].

Среди разнообразных этнографических теорий хочется обратить внимание на гипотезу А.Р. Радклиффа-Брауна. На Гаваях как священность вождя, так и нечистота лица, обречённого на смерть за инцест, обозначались словом *kapu* (разновидность табу). Присутствие в коллективе совершившего инцест считалось опасным для всего коллектива, потому он лишался жизни. С другой стороны, вождь, женившийся на сестре, становился ещё более священным. Высшей степенью неприкосновеннности и священности обладал вождь, родившийся от союза брата с сестрой. Радклифф-Браун предложил для подобного феномена термин «ритуальная значимость» (ritual value). В Полинезии ей обладают вожди, трупы и новорождённые [Радклифф-Браун, 2001, 163]. Применительно к браку *xwēdōdah*, который можно

охарактеризовать как преимущественно царский институт, данное объяснение представляется нам наиболее приемлемым.

Библиографический список

1. Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост., общ. ред., примеч. И.В. Рака. – СПб.: Нева, Летний сад, 1998. – 480 с.
2. Бойс, М. Зороастрийцы. Верования и обычаи / М. Бойс. – М.: Наука ГРВЛ, 1987. – 304 с.
3. Изведать дороги и пути праведных. Пехлевийские надзидательные тексты / Введ., транскр., пер. и коммент. О.М. Чунаковой / О.М. Чунакова. – М.: Наука ГРВЛ, 1991. – 192 с.
4. Периханян, А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды / А.Г. Периханян. – М.: Наука ГРВЛ, 1983. – 383 с.
5. Радклифф-Браун, А.Р. Структура и функция в примитивном обществе / Пер. с англ. О.Ю. Артемовой / А.Р. Радклифф-Браун. – М.: ИФВЛ, 2001. – 304 с.
6. Чунакова, О.М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов / О.М. Чунакова. – М.: ИФВЛ, 2004. – 286 с.
7. Bichof, N. The Biological Foundation of the Incest Taboo / N. Bichof // Social Science Information – 1972. – № 11/6. – P. 7–36.
8. Bittles, A.H. Genetic Aspects on Inbreeding and Incest / A.H. Bittles, P. Bateson // Inbreeding, Incest, and the Incest Taboo: The State of Knowledge at the Turn of the Century / ed. by A.P. Wolf and W.H. Durham. – Stanford, California: Stanford University Press, 2005. – P. 38–60.
9. Boyce, M. A History of Zoroastrianism II: Under the Achaemenians / M. Boyce. – Leiden–Köln: E.J. Brill, 1982. – 306 p.
10. Bucci, O. Il matrimonio fra consanguinei (khvêtûkdâs) nella tradizione giuridica delle genti iraniche / O. Bucci // Apollinaris – 1978. – № 51. – P. 291–319.
11. Choksy, J.K. Evil, Good, and Gender. Facets of the Feminine in Zoroastrian Religious History / J.K. Choksy. – New York: Peter Lang, 2002. – 166 p.
12. Duchesne-Guillemin, J. Reflections on "yaoždā" with a Digression on "xvaētvadatha" / J. Duchesne-Guillemin, C. Watkins / Myth and Law Among the Indo-Europeans. Studies in Indo-European Comparative Mythology / Ed. By J. Puhvel. – Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press, 1970. – P. 203–210.
13. Frye, R.N. Zoroastrian Incest / R.N. Frye, B.M. Alfieri // Orientalia Iosephi Tucci Memoriae Dicata. 3 vols / Ed. By G. Gnoli, L. Lanciotti. – Roma: Istitito Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1985. – Vol. 1. – P. 445–455.
14. Ghirshman, R. Iran: From the Earliest Times to the Islamic Conquest / R. Ghirshman. – London: Penguin Books, 1961. – 368 p.
15. Godelier, M. Métamorphoses de la parenté / M. Godelier. – Paris : Fayard, 2004. – 679 p.
16. Goodenough, W.H. Comments on the Question of Incestuous Marriages in Old Iran / W.H. Goodenough // American Anthropologist, N.S. – 1949. – № 51/2. – P. 326–328.
17. Herzfeld, E. Zoroaster and His World / E. Herzfeld. 2 vols. – Princeton: Princeton University Press, 1947. – Vol. 1. – 410 p.
18. Herrenschmidt, C. Le xwêtôdas ou mariage «incestueux» en Iran ancien / C. Herrenschmidt, K. Hopkins // Epouser au plus proche, inceste, prohibitions et stratégies matrimoniales autour de la Méditerranée / éd. par P. Bonte. – Paris : Ecole des hautes etudes en sciences sociales, 1994. – P. 113–125.
19. König, G. Geschlechtsmoral und Gleichgeschlechtlichkeit im Zoroastrismus (Iranica, Band 18) / G. König. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. – 517 s.
20. Macuch, M. Inzest im vorislamischen Iran / M. Macuch // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. – 1991. – № 24. – P. 141–154.
21. Perikhanian, A. Iranian Society and Law / A. Perikhanian, V.G. Lukonin // The Cambridge History of Iran. Vol. 3(2) The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods / ed. by E. Yarshater. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – P. 627–680.
22. Scheidel, W. Brother-Sister and Parent-Child Marriage in Ancient Egypt and Iran / W. Scheidel // Ethology and Sociobiology. – 1996. – № 17. – P. 319–340.
23. Schepens, F. Variations contemporaines autour d'invariants anthropologiques. L'inceste, la production de l'enfant et le sacré / F. Schepens, F. Dosse // Claude Lévi-Strauss et ses contemporains / éd. par G. Pierre et S. Jean-Pierre. – Paris : PUF, 2012. – P. 245–267.
24. Sidler, N. Zur Universalität des Inzesttabu: eine kritische Untersuchung der These und der Einwände / N. Sidler. – Stuttgart: Enke, 1971. – 166 s.
25. Skjærvø, P.O. Marriage II. Next of Kin Marriage in Zoroastrianism / P.O. Skjærvø // Encyclopædia Iranica, online edition, 2013 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.iranicaonline.org/articles/marriage-next-of-kin (дата обращения 30.08.20).

26. Slotkin, J.S. On a Possible Lack of Incest Regulations in Old Iran / J.S. Slotkin // American Anthropologist, N.S. – 1947. – № 49/4. – P. 612–617.
27. Slotkin, J.S. Reply to Goodenough / J.S. Slotkin // American Anthropologist, N.S. – 1949. – № 51/3. – P. 531–532.
28. Spooner, B. Iranian Kinship and Marriage / B. Spooner // Iran. – 1966. – № 4. – P. 51–59.
29. Strugnell, E. Thea Musa, Roman Queen of Parthia / E. Strugnell // Iranica Antiqua. – 2008. – № 43. – P. 275–298.
30. West, E.W. The Meaning of Khwêtûk-das or Khvêtûdâd / E.W. West // Pahlavi Texts II: The Dâdistân-î dînîk and the Epistles of Mânûskîhar (Sacred Books of the East XVIII). – Oxford: Clarendon Press, 1882. – P. 389–430.

Текст поступил в редакцию 08.09.2020.
Принят к публикации 07.12.2020.
Опубликован 01.04.2021.

---

[1] *xᵛaētuuadaθa* восходит к словосочетанию *xvaētav-* «принадлежащий [к семье, клану]» (либо к *xvaētu-* «семья») и **vadaθa-* «брак» (от корня *vad-* «вести, вступать в брак») [Macuch, 1991, 143; König, 2010, 445].
[2] Ряд переводов, в частности В.Ю. Крюковой, понимает этот пассаж как ссылку на мужчину и женщину, состоящих в кровнородственном браке, и как одно из первых свидетельств наличия такого института в раннем зороастризме [Авеста, 1998, 100].
[3] Важно, что иногда *xwēdōdah* был оформлен лишь юридически: супруга, называемая *ayōkēn*, была обязана родить от другого мужчины для отца или брата, который не смог стать отцом или умер, не оставив потомства мужского пола. Для этого она заключала так называемый брак *čakar*. официально она считалась женой отца или брата. Дети, зачатые от нового мужа, также принадлежали не ему, а её роду [Macuch, 1991, 144–145].
[4] В этнографической литературе встречалось мнение, что табу на инцест было введено для преодоления безнадежной путаницы в терминологии родства [Bichof, 1972, 13].
[5] Видимо, с этим связан сюжет сирийских Деяний Петиона второй пол. V в.: мученик Адур-Ормазд полемизирует против веры магов в то, что звёзды возникли из *xwēdōdah* Ормазда с его матерью [Macuch, 1991, 147].
[6] См. критику Г. Кёнига в: König, 2010, 432–433. Следует отметить, что работам Чокси свойственны обобщения, которые вызыват критику со стороны специалистов.
[7] М. Мацух возразила на это: все доступные доисламские источники, в частности свидетельства периода Сасанидов (с III по VI вв.), указывают на то, что инцест практиковался как важная часть зороастрийской религии [Macuch, 1991, 146–147].
[8] Исследование В. Шайделя представляет безусловный интерес в связи с тем, что написано специалистом по древней истории, позже занявшимся биологией и опубликовавшим ряд работ по инбридингу. См. ряд его выводов по имбридингу в Иране как биологическому явлению.
[9] Некоторые из многочисленных теорий применительно к биологическом запрету см. в Bichof, 1972. Следует заметить, что при переходе от биологии к социологии ряд исследователей, вроде З. Фрейда, увлекался необоснованным теоретизированием.

References

1. *Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996)* [Avesta in Russian Translations]. Comp., ed., notes by I.V. Rak. St. Petersburg, 1998, 480 p. (In Russian).
2. Bichof N. *Social Science Information.* 1972, no. 11/6, pp. 7–36.
3. Bittles A.H. *Inbreeding, Incest, and the Incest Taboo: The State of Knowledge at the Turn of the Century.* Eds. A.P. Wolf and W.H. Durham. Stanford, California: Stanford University Press, 2005, pp. 38–60.
4. Boyce M. *A History of Zoroastrianism II: Under the Achaemenians.* Leiden– Köln: E.J. Brill, 1982, 306 p.
5. Boyce M. *Zoroastrijtsy. Verovanija i obychai* [Zoroastrians. Their Religious Beliefs and Practices] Moscow: Nauka Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1987, 304 p. (In Russian).
6. Bucci O. *Apollinaris*. 1978, no. 51, pp. 291–319 (in Italian).
7. Choksy J.K. *Evil, Good, and Gender. Facets of the Feminine in Zoroastrian Religious History*. New York: Peter Lang, 2002, 166 p.
8. Chunakova O.M. *Pehlevijskij slovar' zoroastrijskikh terminov, mificheskikh personazhej i mifologicheskikh simvolov* [Pahlavi Dictionary of Zoroastrian Terms, Mythical Characters and Mythological Symbols] Moscow: Nauka Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 2004, 286 p. (In Russian).
9. Duchesne-Guillemin J. *Myth and Law among the Indo-Europeans.* Ed. J. Puhvel. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1970, pp. 203–210.
10. Frye R.N. *Orientalia Iosephi Tucci Memoriae Dicata.* 3 vols. Eds. G. Gnoli, L. Lanciotti. Roma: Istitito Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1985, vol. 1, pp. 445–455.

11. Ghirshman R. *Iran: From the Earliest Times to the Islamic Conquest.* London: Penguin Books, 1961, 368 p.
12. Godelier M. *Métamorphoses de la parenté. P*aris: Fayard, 2004, 679 p. (in French).
13. Goodenough W.H. *American Anthropologist.* N.S., 1949, no. 51/2, pp. 326–328.
14. Herzfeld E. *Zoroaster and His World.* 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1947, vol. 1, 410 p.
15. Herrenschmidt C. *Epouser au plus proche, inceste, prohibitions et stratégies matrimoniales autour de la Méditerranée.* Ed. par Bonte P. Paris : Ecole des hautes etudes en sciences sociales, 1994, pp. 113–125 (in French).
16. *Izvedat' dorogi i puti pravednykh. Pehlevijskie nadzizatel'nyje texty* [Consider the Righteous Ways and Paths. Pahlavi Didactic Texts]. Pref., transcripton, transl. and comment. by O.M. Chunakova. Moscow: Nauka Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1991, 192 p. (In Russian).
17. König G. *Geschlechtsmoral und Gleichgeschlechtlichkeit im Zoroastrismus (Iranica, Band 18).* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010, 517 s. (in German).
18. Macuch M. *Archaeologische Mitteilungen aus Iran.* 1991, vol. 24, pp. 141–154 (in German).
19. Perikhanian A. *The Cambridge History of Iran.* Vol. 3(2) The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Ed. by E. Yarshater. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, pp. 627–680.
20. Perikhanian A.G. *Obshestvo i pravo Irana v parfianskij i sasanidskij periody* [Society and Law of Iran of the Parthian and Sasanian Periods] Moscow: Nauka Glavnaia Redaktsiia Vostochnoi Literatury, 1983, 383 p. (In Russian).
21. Radcliffe-Brown A.R. *Struktura i funktsija v primitivnom obshestve* [Structure and Function in Primitive Society]. Moscow, 2001, 304 p. (In Russian).
22. Scheidel W. *Ethology and Sociobiology.* 1996, no. 17, pp. 319–340.
23. Schepens F. *Claude Lévi-Strauss et ses contemporains.* Eds. G. Pierre, S. Jean-Pierre. Paris: PUF, 2012, pp. 245–267 (in French).
24. Sidler N. *Zur Universalität des Inzesttabu: eine kritische Untersuchung der These und der Einwände.* Stuttgart: Enke, 1971, 166 s. (in German).
25. Skjærvø P.O. *Encyclopædia Iranica.* Online edition. 2013. Available at: http://www.iranicaonline.org/articles/marriage-next-of-kin (accessed on August 30, 2020).
26. Slotkin J.S. *American Anthropologist*. N.S., 1947, no. 49/4, pp. 612–617.
27. Slotkin J.S. *American Anthropologist.* N.S., 1949, no. 51/3, pp. 531–532.
28. Spooner B. *Iran*. 1966, no. 4, pp. 51–59.
29. Strugnell E. *Iranica Antiqua.* 2008, no. 43, pp. 275–298.
30. West E.W. *The Meaning of Khwêtûk-das or Khvêtûdâd. Pahlavi Texts II: The Dâdistân-î dînîk and the Epistles of Mânûskîhar (Sacred Books of the East XVIII)*. Oxford: Clarendon Press, 1882, pp. 389–430.

Submitted for publication: September 8, 2020.
Accepted for publication: December 7, 2020.
Published: April 1, 2021.